

DOI 10.18522/2415-8852-2021-4-17-29

УДК 80

**«СТОЛИЦА» И «ПРОВИНЦИЯ»:
ФИЛОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ОБМЕНА**

Сергей Николаевич Зенкин

доктор филологических наук, главный научный сотрудник РГГУ (Москва), профессор ВШЭ (Санкт-Петербург)
и Свободного университета (Москва)
e-mail: sergezenkine@hotmail.com

Аннотация. Статья, подготовленная на основе доклада, прочитанного в Тюменском университете, посвящена опыту и перспективам международного обмена в филологии в контексте сложившихся институциональных и дисциплинарных представлений о «столичной» и «провинциальной» науке. В центре внимания – специфика предмета и превалирующих практик в том и другом случае (изучение концептов / изучение контактов); специфика обращения с национальным каноном; выбор методологического подхода и исследовательских контекстов и т. д. Осмысляются основные векторы филологических научных обменов, преодолевающих «периферийную» ограниченность локальных филологических исследований, нередко выступающих во вспомогательно-осведомительной функции для мировой науки. Среди них особо выделяется методологическая рефлексия мировой филологии, независимая от конкретного национально-культурного материала. Сделано предположение о том, что из отдельной традиции в международное обращение лучше всего выводятся общие идеи, теоретические вопросы, задаваемые предмету; именно они имеют наибольшие шансы быть подхваченными учеными других стран, вступить в диалог с их собственными концепциями. Такие вопросы задаются шедеврам национальной классики, или «большим данным», изучаемым специалистами по «всемирной литературе», или теоретикам прошлого, чье наследие пытается заново осмыслить история идей. Также указывается, что экспорт научных идей особенно эффективен в ситуации пересмотра дисциплинарных делений, распада старых и образования новых научных парадигм. Филология в этой перспективе выступает эпистемологическим ориентиром, помогающим уточнить отношения между культурно ограниченной «наукой для себя» и космополитической «наукой для всех».

Ключевые слова: научный обмен, столица и провинция, всемирная литература, методологическая рефлексия, история идей.

Российские гуманитарии иногда жалуются, что на международном рынке больше всего востребованы их исследования о России – то есть служебная, так называемая «провинциальная наука»¹, собирающая более или менее эмпирический локальный материал, обобщенным осмыслением которого будут заниматься другие люди в «столицах». Такое разделение труда – пережиток колониально-«ориенталистского» (Э. Саид) отношения к чужим культурам, оно и обидно для «провинциалов», и объективно вредит развитию их национальной науки, замыкает ее в «сырьевой» функции, в узко региональной тематике.

Эта проблема обсуждалась на конференции, прошедшей в Тюменском университете с участием автора настоящей статьи². В междисциплинарной дискуссии, где преобладали специалисты по социальным наукам, последний сам оказывался в роли локального эксперта, носителя местного знания – только в данном случае не географического, а дисциплинарного. Действительно, я не располагаю каким-либо общим метаязыком – социологическим, философским или иным, – для

обсуждения проблем разных наук. Я лишь пытаюсь осмыслить опыт международного обмена в филологии, отчасти свой личный опыт сотрудничества российского филолога с учеными западных стран, прежде всего французскими; в других культурных регионах, прежде всего в англоязычном, ситуация может несколько отличаться. Еще важнее, что эта ситуация специфична для данной дисциплины, но она все же позволяет строить некоторые гипотезы более общего порядка.

«Колониальное» разделение труда иногда встречается в традиционных транснациональных разделах филологии – в изучении древних культур, то есть языков, на которых сегодня никто не говорит, и литератур, которые ни для одного их исследователя не являются родными. В этой области предмет науки одинаков для всех, и никто не выступает в роли (господствующей или, наоборот, подчиненной) *native speaker*; но поскольку эти исследования публикуются на разных языках и развиты в мире неравномерно, сильнее всего в западных странах, то не-западные ученые оказываются на периферии и вынужде-

¹ Здесь и ниже это и подобные выражения входят в иную семантическую структуру и, соответственно, имеют несколько иной смысл, чем термин «провинциальная наука», введенный социологами Михаилом Соколовым и Кириллом Титаевым. См. их большую статью: [Соколов, Титаев: 2013].

² Конференция «Ревность к Копернику: Международный кругозор российской науки», Тюмень, 24–25 апреля 2021 г. Организаторы – Школа перспективных исследований ТюмГУ совместно с Европейским университетом в Санкт-Петербурге. Данная статья – переработанная версия доклада на конференции.

ны совмещать собственно исследовательские функции со вспомогательно-осведомительными. Как любит говорить филолог-классик Нина Брагинская, на международных конференциях она нередко чувствует себя «не коллегой, а информантом»: иностранные специалисты расспрашивают ее о состоянии соответствующих исследований в России, которое они не могут знать непосредственно из-за языкового барьера.

В другой, современной своей части филология устроена иначе. Первоначально утверждавшийся союз лингвистики и литературоведения на деле давно расторгнут¹, и все же литературная филология (здесь и далее речь будет идти только о ней) по-прежнему опирается на знания о языке; оттого ее исследования разделены по культурно-языковым кластерам. На протяжении многих веков европейским филологам было достаточно знать два классических языка – греческий и латинский, и еще, пожалуй, древнееврейский; а начиная с XIX столетия возникают новые дисциплины – «германская», «романская», «славянская» филология и т. д.; число изучаемых языков и национальных культур растет, в основном за счет живых языков и культур. По отношению к ним филолог-ав-

тохтон является не только исследователем, но и кодификатором, упорядочивая национальный язык и поддерживая национальный литературный канон. Так в современную эпоху филология стала локальной, национальной наукой (потенциально даже националистической – есть такая небезопасная тенденция), тесно связанной с языковой спецификой той или иной конкретной культуры; в отличие от своих предшественников в старину, сегодня филологи разных стран могут плохо понимать друг друга даже в лингвистическом, а тем более в культурно-ценностном плане.

Вместе с тем, как и в изучении классических древностей, их разноязыкие исследования тоже развиты неравномерно, в них выделяются «метрополии» национальных культур и зависящая от них «диаспора» – филологи, изучающие чужую литературу. Воспроизводится структура центр / периферия – но уже не единая, а множественная, и не в мировом, а в региональном масштабе, когда литературные (и связанные с ними филологические) традиции разных стран претендуют быть независимыми центрами. Такая полицентричная филология сталкивается с двойным напряжением – не только с неравенством «столиц» и «провинций», но

¹ Это констатировал уже в 1960-х гг. Юрий Лотман: «...Единой науки, традиционно именуемой филологией, в настоящее время, откровенно говоря, не существует» [Лотман 2018: 149].

и с изоляцией, а порой и противостоянием отдельных «держав». Она склонна замыкаться в рамках отдельного культурно-языкового региона, а специалисты по этому региону, работающие за его географическими пределами, попадают в «провинциальную» зависимость от него – то есть не только от самой изучаемой ими литературы (это естественно – наука всегда зависит от собственного предмета), но и от «столичной» науки о ней.

Вот как это сказывается на международном разделении труда. Иностраный (например, русский) филолог, сотрудничая с французскими (к примеру) коллегами, получает от них предложения – вполне добросовестные и благожелательные – исследовать сюжеты, связанные с франко-русскими литературными связями: знакомство и взаимное влияние писателей, их рассказы о путешествиях из одной страны в другую, документальные ресурсы, связанные с одной страной и хранящиеся в архивах другой страны. Иностранному ученому предлагается работать на подножном корму, пользуясь природным знанием своего языка и культуры, большей доступностью текстуальных материалов и т. п. Это, конечно, искусственно сужает диапазон их занятий, но это все-таки не совсем «колониальная» эксплуатация – скорее особая форма участия в контекстуализации французской литературы, которой занимаются также и ее французские исследователи. Просто поле этой контекстуализации пред-

лагается делить по национальным границам, по месту жительства ученых, а значит, по центрально-периферийной схеме: автохтоны (французы) оказываются в более выигрышном положении, чем иностранцы из «филологической диаспоры», – они изучают более близкий, а значит, и более важный контекст произведений. Такая организация науки стимулируется институциональной политикой: многие официальные международные литературно-исторические проекты строятся не столько вокруг общих проблем и законов, сколько вокруг более или менее случайных исторических связей между культурами. Подобные проекты лучше всего понятны финансирующим организациям (университетам, грантовым фондам), которые, кажется, представляют себе литературную историю по образцу торговой или дипломатической, как эмпирическую историю двусторонних обменов. Вместо концептов изучаются контакты.

Та же логика воспроизводится и без участия бюрократических инстанций, на уровне индивидуального сотрудничества. Приведу пример из собственного опыта: я давно, еще со студенческих лет изучаю творчество французского писателя XIX века Теофиля Гюты; я знаком с коллегами, исследующими его в других странах, являюсь членом соответствующего научного общества, участвую в конференциях. И вот лет двадцать назад, когда во Франции затеяли издавать новое на-

учное собрание сочинений Готье, меня пригласили принять в нем участие, подготовив комментированный том... с «Путешествием в Россию». Готье действительно дважды посетил Россию и написал об этом интересную книгу, при переиздании нуждавшуюся в значительных пояснениях; а это, в свою очередь, требовало основательного знания исторических реалий России середины XIX века, которого у меня не было, но это не приходило в голову моим коллегам – «вы же русский!» Мне пришлось пригласить себе в соавторы превосходного филолога-русиста Наталию Мазур, вместе с которой мы и составили обширный комментарий к путешествию Готье: мы разделили с ней работу – я комментировал Готье (его биографию и творчество), а она – Россию (то, с чем он встречался в нашей стране). Книга вышла в свет во Франции в 2007 году; можно сказать, что мы выполнили – надеюсь, на хорошем уровне – типичную функцию «провинциальной» науки, экспортировали информацию о своей стране (но не только о ней), помогающую зарубежным коллегам лучше понимать их собственную литературу.

Итак, зависимость от метрополии обладает в филологии некоторой спецификой: роль периферийного исследователя хоть и не равна роли «столичных», но все же не сводится к простой «колониальной» поставке сырого материала. Этим обусловлены и некоторые возможности, предоставляемые филологией

тем, кто желает выйти из такой ситуации неравенства, – хотя, вероятно, многие чувствуют себя комфортно и внутри нее.

Первая, всем известная возможность состоит в том, чтобы превратить в международный ресурс великие шедевры родной литературы. Эти классические тексты составляют часть мирового, а не только национального наследия, и некоторые из них, а потенциально и из их исследований, преодолевают межкультурные границы. Русский филолог, изучающий Достоевского или Толстого, испаноязычный филолог, изучающий Сервантеса, имеют шанс быть принятыми как равные в любой стране – благодаря высокой репутации тех авторов, о ком они пишут и чьи книги читают более или менее все их коллеги (а не одни лишь узкие специалисты). Такую традиционную функцию «сопровождения классики» добросовестно выполняют многие филологи, и она не ограничивается поставкой интеллектуального сырья, потому что включает в себя интерпретацию классики. Разумеется, она доступна не всем – потому что мировой литературный канон по необходимости невелик, и каждая страна вносит в него лишь ограниченный вклад. Скажем, из русской литературы в него входят Достоевский и Толстой, но даже Пушкин включается еле-еле, не говоря уже о менее знаменитых писателях. Не менее важно, что ограниченность «экспортного» канона влечет за собой его внутреннюю трансформацию, отрыв

классических текстов от их ближнего национального контекста и их включение в другой, мировой контекст: оттого за границей оказываются сравнительно мало востребованы разыскания об истории текста, о его связях с произведениями других, неканонических авторов – то есть именно те исследования, которыми занимаются и по праву гордятся многие историки литературы. Деконтекстуализация классических произведений изменяет не только материал, но и проблематику их исследования, заставляет задавать им не те вопросы, что были привычны и казались естественными в местном, национальном кругу. Скажем, вопрос о «судьбе России», реально важный для многих русских писателей и часто обсуждаемый историками русской литературы, не вызовет большого интереса у их западных коллег, которые скорее ждут приложения к тем же произведениям других, «международных» категорий: модерна и постмодерна, гендера и постколониальности и т. д. Можно, конечно, считать такие ожидания следствием легковесной интеллектуальной моды (хотя, с другой стороны, «судьба России» – возможно, тоже лишь исторически затянувшаяся локальная мода), но при международном научном диалоге с ними нельзя не считаться. Итак, для мирового сопровождения классики исследователь должен фактически переквалифицироваться, заговорить на чужом концептуальном языке (а часто и просто на иностранном языке

ке); такой путь интеллектуальной эмиграции устраивает, пожалуй, лишь немногих.

Вторая возможность для филолога-космополита – включиться в интернациональную работу новой дисциплины под названием «всемирная литература». Она возникла недавно, двадцать-тридцать лет назад, как расширение и пересмотр более старой дисциплины – «компаративной литературы». Компаративисты традиционно сопоставляли между собой немногие литературы Запада, чьи языки мог выучить практически каждый ученый. Сегодня же, с расширением круга исследований на многочисленные культуры бывших колоний, они столкнулись с невозможностью для одного филолога освоить такое количество языков: как следствие, всемирную литературу приходится изучать отчасти в переводах, используя создаваемые переводчиками «полуфабрикаты», и для филологов это тяжелая деонтологическая проблема, переворот в основах их профессии, испокон веков требовавшей работать непременно с оригинальными текстами. Франко Моретти, один из теоретиков «всемирной литературы» (и сам, кстати, экспатриант – итальянец в Америке), с парадоксальной прямотой заявил, что филологам, хорошо умеющим читать, нужно теперь «научиться не читать» [Моретти 2016: 76–102], то есть методологически корректно изучать тексты, которые за них прочитал кто-то еще – или переводчик, или другой, владеющий языком

критик, или, в новейшей версии, умный компьютер.

Изучение «всемирной литературы» сулит выход из изоляции и периферийной ограниченности, освобождая от языковой привязанности к своему культурному региону. Читать переводы или анализировать электронные корпуса и базы данных могут на равных любые люди в любой стране, владеющие одним международным языком (на сегодня это английский); а современная техника еще и позволяет коллективно работать в сетевом режиме, живя в разных местах и быстро обмениваясь данными. Участники такого проекта не зависят от своего этногеографического происхождения и не обязаны, вообще говоря, заниматься своей родной литературой. Реализуется на новом уровне оснащения утопия мировой «республики ученых», говорящих на одном языке (как в старину на латыни) и совместно обследующих огромные массивы книг, которые не под силу прочитать или даже просмотреть ни одному отдельному человеку: глобализация at its best.

Здесь, однако, тоже не обходится без проблем. Исследователи «всемирной литературы» все-таки делятся на две категории: одни эмпирически описывают и анализируют тексты, другие концептуально обобщают добытые ими сведения; структурно их разделение воспроизводит деление на «провинцию» и «столицу» – правда, граница проходит не в географическом, а в виртуальном

пространстве, и она определяется квалификацией и личными интересами ученых, а не предопределена их культурно-национальной принадлежностью. Есть еще другая, собственно методологическая проблема: может случиться так, что при умножении и культурной диверсификации участников «всемирного» проекта они станут задавать изучаемым произведениям лишь самые простые, всем равно понятные вопросы и в результате собирать лишь самые примитивные, статистически проверяемые данные: например, о длине текстов, стихотворных метрах, расстановке персонажей в сюжетах и т. д. Или же то будут предвзятые вопросы, определяемые идеологической догмой, как случилось при первом опыте «всемирной литературы» в СССР. В 1980-х годах ИМЛИ начал выпускать многотомную «Историю всемирной литературы», охватывавшую и западную, и восточную словесность, но этот проект пришлось закрыть, когда применявшиеся в нем догматические категории и оценки после идейного краха советского коммунизма пришли в противоречие и с историческим материалом, и с изменившимися взглядами на литературу. Советская история всемирной литературы осталась недостроенной «заброшкой», а новой пока не видно.

Наконец, третья возможность, сулящая филологам выход из национально-культурных гетто, связана с развитием литературной теории. Эта дисциплина, добившаяся блестя-

щих успехов в XX веке, в значительной своей части сформировалась на территории нашей страны (исторически менявшей свои имена и границы). Так, в первые революционные годы толчок к ее становлению дала русская формальная школа в литературоведении, а полвека спустя ее дело продолжила семиотическая теория литературы и культуры, разрабатывавшаяся Московско-Тартуской семиотической школой. Идеи обоих этих научных направлений были – с неизбежным запозданием и упрощением – усвоены мировой наукой и вошли в ее базовый состав. То было нечто большее, чем экспорт эмпирических сведений о локальной культуре: хотя теоретики ОПОЯЗа или Юрий Лотман в Тарту создавали свои теории преимущественно на материале русской словесности, но эти теории шли значительно дальше простого описания материала, задавая новые приемы исследования и мышления, применимые к другим культурным объектам и традициям.

Сегодня литературная теория, по мнению некоторых, завершила цикл своего развития как дисциплина (вытесненная именно «всемирной литературой» – новым «режимом релевантности» художественной словесности)¹. Однако теоретическая рефлексия о ли-

тературном творчестве не исчезла и не могла исчезнуть с горизонта; она просто смещается в другие дисциплинарные области – прежде всего в философию и историю идей. Философия, размышляя над художественными текстами, вырабатывает категории новой, «неклассической» эстетики; примером могут служить, в частности, работы Валерия Подороги о мимесисе. История же идей занимается (в числе прочего) вторичной переработкой собственного наследия филологии – той самой литературной теории, которая стала сегодня частью мировой интеллектуальной культуры. Ее идеи можно не просто реконструировать и исторически контекстуализировать, но и подвергать углубленному толкованию и развитию, находить в них неожиданные предпосылки и следствия, включать их в общий процесс развития мысли в разных областях культуры – интеллектуальная история по природе своей междисциплинарна, не замыкается в истории отдельных наук. Опираясь на эти идеи, мы можем увидеть больше, чем усматривали в них их создатели.

Именно так сегодня работает история идей применительно к наследию ведущих теоретиков литературы – таких, как русские формалисты, московско-тартуские семиоти-

¹ См.: Tihanov G. The Birth and Death of Literary Theory: Regimes of Relevance in Russia and beyond [Tihanov 2019]. Ср. обсуждение этой книги в № 167 (2021) журнала «Новое литературное обозрение».

ки или же стоящий наособицу от всех них Михаил Бахтин. В мире сложилась целая сеть таких метафилологических исследований, где автохтоны – в данном случае уроженцы России – могут на равных сотрудничать с зарубежными коллегами: их не считают «информантами», от них ждут не передачи локального знания, а выработки оригинальных, если так можно выразиться, «ретро-» или «археотеоретических» идей – новых концепций на основе старых теорий. Правда, несовпадение местного и международного кругозора иногда сказывается и здесь, особенно в «бахтинской индустрии», русские и иностранные участники которой не всегда легко находят общий язык: так, отечественные толкователи, в отличие от западных, чаще склонны видеть в Бахтине религиозного или крипторелигиозного философа и с недоверием относятся к сведениям – действительно недостаточным и двусмысленным – о его попытке в 1920-х годах адаптироваться к советской идеологии марксизма, выпустив несколько работ под фамилиями своих друзей. В любом случае это недопонимание обусловлено не колониальным разделением труда, а разными культурными традициями или, скажем, разными фазами развития этих традиций на «Западе» и «Востоке» [Zbinden 2006].

Может показаться, что такая работа толкования великих филологов-теоретиков аналогична «сопровождению классики», о ко-

тором говорилось выше. Некоторые черты действительно совпадают – реконтекстуализация, пересмотр канона, «переписывание» идей на чужом концептуальном языке. Есть, однако, и важное функциональное различие: классиков литературы (тех же Толстого или Достоевского) в мире изучают, но нельзя сказать, что кто-то пытается сегодня подражать им или как-то «развивать их творческие достижения» в собственном художественном творчестве. Их произведения служат предметом общекультурного потребления, тогда как идеи филологов-теоретиков продолжают непосредственно применяться в текущем научном производстве, сохраняют операциональную ценность. Соответственно и работа их историко-идейного осмысления вливается в общую методологическую рефлексию мировой филологии, независимую от конкретного национально-культурного материала, и не остается в узком кругу специалистов по *area studies*.

Из сказанного вытекают два общих вывода о международном интеллектуальном обмене. Первый из них скорее тривиален: из отдельной культурно-национальной традиции в международное обращение лучше всего выводятся общие идеи, теоретические вопросы, задаваемые предмету; именно они имеют наибольшие шансы быть подхваченными учеными других стран, вступить в диалог с их собственными концепциями. Такие вопросы задаются шедеврам нацио-

нальной классики, или «большим данным», изучаемым специалистами по «всемирной литературе», или теоретикам прошлого, чье наследие пытается заново осмыслить история идей. Второй, более гипотетический вывод состоит в том, что экспорт научных идей особенно эффективен в ситуации пересмотра дисциплинарных делений, распада старых и образования новых научных парадигм. Современными примерами таких глубоких перемен могут служить описанные выше возникновение «всемирной литературы» как новейшей научной программы или же преобразование истории идей, которая из описательной истории превращается в активную герменевтику, не просто воссоздает, но и развивает идеи прошлого. В той мере, в какой к гуманитарным наукам вообще применима теория Томаса Куна, можно было бы предположить, что неравное разделение труда между «столицей» и «провинцией» неизбежно в стабильной ситуации «нормальной науки», но может преодолеваться в моменты «научных революций».

Эту последнюю гипотезу нельзя доказать, опираясь на опыт одной лишь филологии, однако ее опыт подводит к такой гипотезе. Сближаясь по ряду своих интересов со своим собственным предметом – художественным творчеством [Gumbrecht 2003; Хамакер 2020], эта наука сегодня более других подвижна в теоретическом самосознании и на протяжении последних двух столетий

пережила уже несколько революций. Ученые других специальностей могут упрекать ее в субъективности (всегда ли они сами от нее свободны?), но для нее это скорее ресурс развития: она питается энергией той культуры, которую изучает. Поэтому она может служить эпистемологическим ориентиром, помогающим уточнить отношения между культурно ограниченной «наукой для себя» и космополитической «наукой для всех».

Литература

Лотман, Ю.М. О структурализме: Работы 1965–1970 годов. Таллин: ТЛУ, 2018.

Моретти, Ф. Гипотезы о мировой литературе // Дальнее чтение / пер. с англ. А. Вдовина, О. Собчука, А. Шели. Науч. ред. перевода И. Кушнарева. М.: Институт Гайдара, 2016.

Соколов, М., Титаев, К. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239–275.

Хамакер, В. *Minima philologica*. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2020.

Gumbrecht, H.U. (2003). *The powers of philology: dynamics of textual scholarship*. Urbana and Chicago: University of Illinois Press.

Tihanov, G. (2019). *The birth and death of literary theory: regimes of relevance in Russia and beyond*. Stanford: Stanford University Press.

Zbinden, K. (2006). *Bakhtin between East and West: cross-cultural transmission*. London: Modern Humanities Research Association and Maney Publishing.

References

Gumbrecht, H.U. (2003). *The powers of philology: dynamics of textual scholarship*. Urbana and Chicago: University of Illinois Press.

Hamacher, W. (2020). *Minima philologica*. Saint Petersburg: Ivan Limbakh.

Lotman, Yu.M. (2018). *O strukturalizme: raboty 1965–1970 godov* [On structuralizm: the works of 1965–1970]. Tallin: TLU.

Moretti, F. (2016). Conjectures on world literature. In F. Moretti, *Distant reading* (A. Vdovin, O. Sobchuk, & A. Sheli, Trans.). Moscow: Institut Gaydara.

Sokolov, M., & Titaev, K. (2013). Provincial'naya i tuzemnaya nauka [Provincial and native science]. *Antropologicheskiiy forum* [Anthropological forum], 19, 239–275.

Tihanov, G. (2019). *The birth and death of literary theory: regimes of relevance in Russia and beyond*. Stanford: Stanford University Press.

Zbinden, K. (2006). *Bakhtin between East and West: cross-cultural transmission*. London: Modern Humanities Research Association and Maney Publishing.

“CAPITAL” AND “PROVINCE”: PHILOLOGY IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL INTELLECTUAL EXCHANGE

Sergey N. Zenkin, Dr. Habil., Chief Researcher at Russian State University for the Humanities, Moscow; Professor at Higher School of Economics, St. Petersburg, and The Free University (Moscow, Russia); e-mail: sergezenkine@hotmail.com

Abstract. The paper, written on the basis of a report read at Tyumen University, is devoted to the prospects of international exchange in philology in the context of widely spread institutional and disciplinary preconceptions about “metropolitan” and “provincial” science. The focus is on the specifics of the subject and prevailing practices in both cases (the study of concepts / the study of contacts); the specifics of the treatment of the national literary canon; the choice of methodological approach and research contexts, etc. The main vectors of philological exchanges that overcome the “peripheral” limitations of local philological research, mostly seen in its subordinate informative function for world science, are comprehended. Among them, the methodological reflection, independent of specific national and cultural material, stands out. The assumption is made that general ideas and theoretical questions asked to the subject are best derived from a separate tradition into international circulation and have the greatest chance of being picked up by researches from other countries to enter into a dialogue with their own concepts. Such questions are asked to masterpieces of national classics, “big data” studied by specialists in “world literature”, and to great theorists of the past, whose legacy reconfigured the history of ideas. It is also indicated that the export of ideas is especially effective in the situation of revision of disciplinary divisions, the collapse of old and the formation of new research paradigms. Philology in this perspective acts as an epistemological reference point, helping to clarify the relationship between a culturally limited “science for oneself” and a cosmopolitan “science for everyone”.

Key words: scientific exchange, capital and province, world literature, methodological reflection, history of ideas

